

СТИХИ А. М. БАКУНИНА, НАПИСАННЫЕ В ПОДРАЖАНИЕ Н. А. ЛЬВОВУ

Публикация К. Ю. Лаппо-Данилевского

Появление в 1990-е годы многочисленных публикаций, посвященных фигуре А. М. Бакунина (1768—1854),¹ принадлежащих разным авторам и освещающих различные стороны его деятельности, на мой взгляд, вполне закономерно. При этом, конечно, сыграло определенную роль желание более детально показать истоки премухинской культурной традиции, столь значимой для истории русской культуры. С другой стороны, невозможно отрицать и тот факт, что многие явления с течением времени подвергаются переоценке, фигурам, считавшимся ранее малозначительными, уделяется все больший интерес, а то, что ранее казалось маргинальным, предстает с течением времени в его отношении к общему как существенное и неотъемлемое.

Связанный родственными узами с поэтами львовско-державинского кружка (сестрам Дьяковым, на которых были женаты В. В. Капнист, Н. А. Львов и Г. Р. Державин, А. М. Бакунин приходился двоюродным братом), поэт пробовал себя в стихах уже в начале 1790-х годов. Тяжелая болезнь отца и финансовые затруднения семьи вынудили начинающего литератора 14 ноября 1797 г. окончательно выйти в отставку и жить почти безвыездно до конца своих дней в деревне. Усилившаяся изоляция поэта, отторженность от литературного процесса привели постепенно к тому, что его творчество становится фактом истории бакунинской семьи.

Особенно тесная дружба на протяжении 1790-х годов связывала А. М. Бакунина с Н. А. Львовым. Из-за утраты части рукописей их поэтический диалог не поддается реконструкции в полной мере; перечислю поэтому лишь то, что не вызывает сомнений:

- 1) во второй части журнала «Муза» за 1796 год Н. А. Львов опубликовал стихотворный «Отрывок из письма А. М. Б<акунину>»,² являющийся ответом на не дошедшие до нас стихи;
- 2) 14 июня 1797 г. датирована двучастная «Эпистола к А. М. Бакунину из Павловского» Н. А. Львова (Бакунин служил в то время неподалеку, в Гатчине); в ней тщете и лицемерию придворной жизни противопоставлен гармоничный сельский уклад львовско-державинского родственного круга;
- 3) в 1799 г. А. М. Бакунин дарит Н. А. Львову рукописный сборник, состоящий из шести посвященных ему стихотворений;³

- 4) Н. А. Львов создает послание «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го»;
- 5) в конце 1810-х А. М. Бакунин собирает в тетради (бумага с водяными знаками 1818 г.) стихи, написанные, как представляется в 1800-е, варьирующие темы стихов Н. А. Львова и содержащие парафразы и цитаты из них.⁴

Именно эти стихи А. М. Бакунина, продолжающие после смерти Н. А. Львова диалог с ним, являются предметом настоящей публикации. В архивной описи они озаглавлены «Собрание басен А. М. Бакунина, написанных в подражание Н. А. Львову», что вряд ли верно, ибо лишь два из публикуемых поэтических текстов могут быть отнесены к жанру басни (два других вызваны к жизни посланиями Н. А. Львова и варьируют их темы). Печатаемые произведения А. М. Бакунина вдохновлены четырьмя стихотворениями Н. А. Львова — «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го», «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину от меня неизменного обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербурга».

Подражая стихам своего друга, А. М. Бакунин остается в целом верен его темам, иногда вполне самостоятельно (хотя и не всегда удачно)⁵ развивая их. Разностопные ямбы, придающие ритмике стихов Н. А. Львова неповторимость и разнообразие, почти всюду «конвертированы» в четырехстопный ямб. Бакунину не хватало и поэтической смелости Н. А. Львова, свободно вводившего в словесную ткань своих произведений идиомы, диалектизмы и разговорные обороты. Это наиболее хорошо видно, если сравнить концовки двух басен, развивающих тривиальную тему необходимости не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Общий вывод Н. А. Львова полон лукавства:

...А только тот, кто не зеваёт,
Час добрый за хохол хватает
И в праздный день и между дел,
Чтоб он без пошщины куда не улетел.

Бакунин без всякой иронии констатирует неудачу, постигшую двух птичек, не собравших вовремя пух для их гнезда:

Своей чредой
И птички прилетели,
Да пуху нет — пришло опять
Гнезда до завтра не свивать.

В «Видении Н. А. Львова в Москве» А. М. Бакунин начинает повествование от лица своего друга, однако грань их разделяющая, постепенно стирается; стихотворение завершается уже от лица его автора. Написание соответствующего послания Н. А. Львова было вызвано посещением места, где предполагалось строительство дворца А. А. Безбородко (проект Д. Кваренги) и создание обширного сада (проект Н. А. Львова). 7 июня 1798 г. состоялась торжественная закладка дома, сопровождавшаяся фейерверком. Шедшие полным ходом работы были прерваны внезапной смертью вельможи (6 апреля 1799), бывшего в течение длительного времени покровителем поэта и архитектора. В «Трех „Нет“» Н. А. Львов, переживший тя-

желую утрату и выздоровевший после «смертельной болезни», подводил итог прожитому и размышлял о смерти; он выразил также свое религиозное мироощущение в необычной для поэзии XVIII в. форме — вместо высокого одического славословия встречаем здесь свободное ямбическое повествование, пересыпанное разговорными оборотами и диалектизмами. Этот христианский аспект оказался для А. М. Бакунина странным образом неактуален; в его ремейке опущено и обращение к вере, Надежде, Любви, и, что более важно, новаторская финальная сцена воспарения неуемной (и потому пряной) души Н. А. Львова ко Христу:

Скажу, да сам и улечусь,
Встряхнуся, встрепещусь,
К любви превыспренной и вечной
На крыльях радостных взвоясь
И, легок тем, что не боюсь,
Повыше, чем летал, пушусь,
Взыграю, закружусь
И сверху засмеюсь.
И пред Христом не усмирюсь —
Приелись, чай, и там уж пресных душ витушки.
Он видит так же мой порок,
Как душ смиренных. Прок не прок.
Так, кажется, на что мне четок побракушки?

Последнее из публикуемых стихотворений А. М. Бакунина, обращенное к геологу, поэту и актеру-любителю Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину (1760--1805),⁶ примечательно тем, что в нем (в отличие от соответствующего послания Н. А. Львова) пародийно предвосхищена тема кавказского пленника, столь существенная для дальнейшего развития русской литературы. Здесь же содержится упоминание лазания по горам и латинского наименования трав, несомненно аллюзионное по отношению к соответствующему эпизоду в львовском «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», адресованном жене А. А. Мусина-Пушкина и посвященном возглавлявшейся им ботанической экскурсии. Во всех этих произведениях (как у Н. А. Львова, так и у А. М. Бакунина) неоднократно упоминается полнота графа, никоим образом не стеснявшая его научной активности и комически сочетавшаяся с повышенной подвижностью.

Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание поэтическим произведениям его друга, к тому времени уже скончавшегося, — любопытный эпизод истории львовско-державинского содружества (точнее, эпилога к ней). Речь поэтому не может вестись о поэтическом состязании, столь обычном для русской литературы XVIII в. — скорее, мы видим поэтический мир одного из поэтов отраженным в творчестве другого. Поэтический талант А. М. Бакунина не столь значителен, он не был столь смел в своих стилистических и ритмических решениях, но был увлечен образами стихов своего ушедшего друга и, парафразируя их, благодарно читил его память.

Стихотворения А. М. Бакунина публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (ф. 16, оп. 2, № 14, л. 1—7). Они являются подражаниями следующим поэтическим произведениям Н. А. Львова: «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к

А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го», «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину от меня неизменитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербург». Тексты первых трех см. в кн.: *Львов Н. А.* Избр. соч. С. 89—90, 73—75, 77—80. Лишь львовское послание А. А. Мусину-Пушкину из-за крайней художественной неровности до сих пор остается неопубликованным в полном виде (отрывки см.: *Артamonova З.* Неизданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 273—274; полный текст в архиве Г. Р. Державина: РНБ, ф. 247, т. 37, л. 77 об.—79); оно было написано вскоре после получения А. А. Мусиним-Пушкиным 17 октября 1801 г. разрешения на организацию экспедиции в Грузию. 8 декабря 1799 г. он обратился к Н. А. Львову с посланием из Нижнего Новгорода (не опубликовано, см.: там же, л. 70 об.).

Несмотря на то, что А. М. Бакунин порой весьма вольно парафразирует стихи Н. А. Львова, не представлялось целесообразным перегружать комментарий перечнем всех цитируемых стихов. Парафразы стихов Н. А. Львова в данной публикации выделены курсивом. В рукописи под заглавием первого стихотворения «Завтра. Басня. Под<ражание> Н. Ал. Львову» относительно парафраз дано следующее авторское примечание: «Собственные его стихи замечены знаком „», то есть кавычкой в начале строки. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены к современным; отклонения от нынешних норм сохранены лишь в рифмах.

¹ *Пируlova Н. М.* Дворянское гнездо // Наше наследие. 1993. № 3. С. 144—148; *Бакунин А. М.* Осуга / Публ. Дм. Олейникова // Наше наследие. 1994. № 29/30. С. 50—62; Из литературного наследия А. М. Бакунина / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 94—117; *Агамалян Л. Г.* История России в изложении А. М. Бакунина // Новый журнал. 1997. № 2. С. 164—180; *Агамалян Л. Г.* Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культуролог. наук. СПб., 1998.

² Здесь и далее ссылки на стихи Н. А. Львова даются по изданию: *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.

³ Опубликованы в кн.: *Русская литература — век XVIII. Лирика* / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, К. Ю. Лаппо-Данилевского и др.; Вступ. ст. Н. Д. Кочетковой. М., 1990. С. 532—536.

⁴ Известный pendant к ним составляют бакунинские «Письма к Н. А. Л<ьвову>» на социально-философские темы (в тетради на бумаге 1804 г.). См. ниже публикацию Л. Г. Агамалян.

⁵ Ср., к примеру, выпрєнную характеристику А. А. Безбородко в печатаемом ниже «Видении Н. А. Львова в Москве» А. М. Бакунина.

⁶ Его ученая карьера подробно описана в книге: *Раскин Н. М.* А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии. химик и минералог, 1760—1805. Л., 1981. К сожалению, в этой в высшей степени основательной монографии актерские и поэтические увлечения А. А. Мусина-Пушкина даже не упомянуты. О его участии в любительских спектаклях см.: *Долгоруков И. М.* 1) Капище моего сердца. М., 1890. С. 285; 2) Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Пг., 1916. С. 53, 69—70, 76—82, 86—95, 192—193. Некоторое число стихов А. А. Мусина-Пушкина сохранилось в фонде Г. Р. Державина в Российской национальной библиотеке (далее: РНБ), см.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 63—64.

А. М. Бакунин

СОБРАНИЕ ЕГО БАСЕН,
НАПИСАННЫХ В ПОДРАЖАНИЕ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ

1. ЗАВТРА

Басня. Под<ражание> Ник<олаю> Ал<ександровичу> Львову

Две птички вместе пели,
Свить гнездышко хотели,
Сначала сговорились
Лететь и пух собирать,
Потом остановились,
Раздумали опять:
*«И завтра наберем,
До завтра не умрем».*
Зефиры ночью разыгрались,
Кусточки раскачались,
И к утру ни одной
Пушинки не видать.
Своею чередой
И птички прилетели,
Да пуху нет — пришло опять
Гнезда до завтра не свивать.

2. ФОРТУНА

Басня. Под<ражание> Ник<олаю> Ал<ександровичу> Львову

*Когда-то с Счастьем Фортуна согласилась
И вместе с ним переселилась
В долину мирную, где про себя живут
И в гости никого не ждут.
На третий день зевать хозяйка начинает
И друга своего умильно убеждает:
Смотри, как тесен наш шалаи,
Весь на дворе мой экипаж.
При меньшем состояньи
Другие в нашем званьи
И в городах умеют жить,
Неужто же себя
Нам надобно любя
Совсем похоронить?
А Счастье говорило:
Смотри, как солнышко долину осветило,
Что плошек дымный блеск пред ним?
Смотри, как щедро нас природа одарила,
Древа плодом обременила,
Украшены луга цветами*

Разóслала для нас коврами,
*Чего ж не достаёт, где с нами
Все дышит чувством одним?*
А ей всего не доставало,
Хотелось непременно ей
Слепить людей,
И Счастье замолчало.
Перебрались в палаты,
Тут райское пошло житье
И праздники богаты,
И множество гостей,
И без конца затей,
И суенилось все без упокою,
Без упокою день и ночь,
А Счастье тосковало
И, наконец, бежало
От шуму и сорому прочь.
Не вдруг Фортуна спохватилась,
Что друга лучшего лишилась.
Спросила, наконец, приметивши, что нет
Его уж во дворце:
*«А Счастье наше где?
Куда от нас сокрылось?»*
Статс-дама Скука ей в ответ:
«Оно в шалаш свой возвратилось».

3. ВИДЕНИЕ Н. А. ЛЬВОВА В МОСКВЕ

*Увидеть радости и плошки
Старушки нашей впопыхах
В Москву по Тюфильской дорожки
Прибрел и я на костылях.
И в хижине засел укромной
На месте, где дворец огромной
Светлейший строить замышлял.
Соделался светлейший прахом,
Несозданный дворец упал,
Наполнилась окрестность страхом;
В местах торжественных, знакомых
Пустынный ужасает дух
Лишь куча камней, насекомых.
Безмолвие тревожит слух.
Москва гремела в отдаленьи,
В искусственных огнях светясь,
А я на камне в размышленьи
Беседовал с собой вчерась!
Его уж нет, а я остался,
Отечеству он нужен был,
Полезным быть и я старался,
Учил, учился и любил.
Мою б оплакали утрату*

Мое семейство и друзья,
Его ж утратив без возврату,
Болезнует Россия вся.
Пороки все его исчисля,
Как сладко он любил поесть,
Как о достоинствах не мысля,
Распутство награждал и леств,
Пусть зависти уста ехидны,
О добрых умолчав делах,
Глашая слабости постыдны,
Тревожат бездыханный прах.
Он собственный свой был творитель,
Его Румянцов угадал,
Суворов был его ценитель,
Екатерине нужен стал.
Обширный ум и дух в нем правой
Она умела оценить,
Он, ей содействовав, со славой
Ее бессмертьем будет жить.
А я теперь куда погжуся
И заживаю век чужой,
Пора, пора на упокой,
В отставку чистую прошуся.
В ответ пустыня воздохнула,
Трикраты молния блеснула,
Удар раздался громовой,
И грозной дух передо мной
Развалин и гробов
Предстал.
— Ты в вечность шествовать готов? —
Он грозным голосом вещал, —
Не трать же понапрасну слов,
Подай мне руку и пойдем.
— *Душою б рад идти с тобою,*
Но как расстаться мне с женою
И на кого покинуть дом?
Нельзя ли как повременить
И ниточки моей ссучить,
Дорога дальна незнакома,
Пуститься так в нее боюсь.
Когда ж получше запасусь
И скучно будет мне и дома,
Безотговорочно явлюсь
И легок тем, что не боюсь,
С источником любви сольюсь.
— Охота вам сидеть на стуже, —
Я вдруг услышал голоса, —
На камне, ночью [в] два часа,
Простудитесь и будет хуже.
Мы проискали вечер весь.
Жена и дети окружили,

Согрели сердце, убедили,
Что я не лишний еще здесь.

4. ГРАФУ АПОЛ<ЛОСУ> АПОЛ<ЛОСОВИЧУ> ПУШКИНУ

Разнесся на Парнасе глас,
Что вы задумали от нас
За золотым руном в Кавказ,
Где горы страшные такие,
Что по верхам растущий лес
Сметает часто пыль с небес,
Другие ж будто бы седые
И парики на них большие,
А в сердце — жилы золотые.
Что вы, минуя чернолесье,
Махнете прямо в поднебесье
Им золотую кровь пустить,
И дело сделав Геркулеса,
Дождем надеетесь Зевеса
Святую Русь озолотить,
Поберегитесь только, граф,
И в землю залетев чудес,
Не попадитесь под штраф,
Не уподобьтесь Прометею,
Чтоб вместо коршуна черкес
Не кинул петли вам на шею,
И подхватив ученость вашу,
Не осудил скотины пасть,
Вкушая сельской жизни сласть
И просяную кашу.
Большой бы не было беды,
Пас Аполлон. Пасли б и вы.
И вне забот мирского круга
Ботаника была б подруга,
Не наша здешняя, седая,
Грибная, мшистая, скупая.
Черкешенка была б младая,
Лилеи на лице,
А розы на устах,
Невинность на челе,
Огонь в больших глазах,
Коса волнистая шелкова,
А грудь — что кость твоя слонова!
А ручки, ножки, стройный стан!
Все графски б жилочки забились.
Забыв сиятельный ваш сан,
Вы б с нею тотчас покумились,
С кумою лазя по горам.
Латынью бы траву крестили,
А некрещеной много там,
И горе б с нею позабыли!

Но вряд ли быть вам пастухом,
Хоть нет по сказкам жизни краше,
Увидя полновесье ваше,
Каким бы ни был молодцом,
И конь какой бы ни лихой,
Глазами раз другой окинув,
Взмахнет руками, рот разинув,
И поворотится домой,
И так, любезный граф, спокойно
Лопатку в руки взяв и лом,
Вооружая буравом
И всем, что химику пристойно,
Вы можете Кавказ сверлить
И золотые слитки лить,
Завистливый седой скупится,
Как всех обычный стариков.
Несметная казна хранится
В огромной куче сундуков.
Буравьте ж грудь его, сверлите
Гранитны ребра и бока,
Скупого мучьте старика,
Пока совсем не покорится
И вам не выдаст кошелька.
Ничто не может утаиться —
Ученый уверяет люд. —
От чудного того сверла,
Которо вам дала
За бескорыстие и труд
Минералогия сама.
Кто эта барыня, не знаю,
Но выбор ваш в ней почитаю,
Должна красавицею быть,
И красоте не трудно
Сердца и сундуки пленить.
Но вот, что чудно,
Что графа ей пришлось дарить,
А графу золото ничто,
Из рук его оно
Как пыль летит,
*Как время, между дел бежит;
Карман его, как решето,
Которо все насквозь цедит.*
Прощу ж красавице чудесной,
Котора в простоте небесной
Красавиц наших вопреки
Не принимает, а дарит,
Латынской сделать комплимент
И поднести в презент
Мои стихи;
*Что я слышу? Позвонки,
Тучей пыльной солнце тмится,*

Слух брякушками глушится,
На чудовищах горбатых,
Сильных, трезвых и мохнатых
От краев валит хлопчатых
Пребогатый караван.
Вождь, испытанный в транспортах,
Гном знакомый в ботефортах,
Золотой на нем кафтан,
На скоте передовом
Первый едет с фонарем.
Диогенов по пустому
Замышлял светить уму,
Этот прямо к золотому
Путеводит руднику.
Тихой выступью и скромной
Шесть прекраснейших гномид,
Тут несут бурав огромной,
Что без устали сверлит.
Важно шествуют науки,
Как прилично званью их,
К небесам подъемля руки,
Граф качается на них,
И за подвиги толики
Слышит радостные крики
Изо всех гремящи уст,
А карман все пуст да пуст.